

УДК 327

DOI: 10.31857/S0869049925010096
EDN: BIBMOM

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original article

Мир-система капитализма и будущее России: взгляд через призму семиотики

© У.А. БАРЛЫБАЕВ, А.А. БАРЛЫБАЕВ, И.А. СИТНОВА

Барлыбаев Урал Адигамович, Уфимский университет науки и технологий (Уфа, Россия), ural_barlybaev@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5916-1533

Барлыбаев Адигам Агзямович, Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий (Сибай, Россия), Adigam@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6753-6657

Ситнова Инна Алексеевна, Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий (Сибай, Россия), sinn01@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2193-1563

Исследуется генезис и развитие капиталистической мир-системы как неразрывного единства двух взаимодополняющих аспектов – создания и масштабирования новой социальной реальности как структурированного и институционального порядка, с одной стороны, и формирования и расширения коммуникативно-семиотического пространства, обеспечивающего воспроизводство ценностно-смысловых основ данного миропорядка – с другой. Цель исследования – показать методологический потенциал семиотического подхода для междисциплинарного исследования социальной действительности и лучшего понимания движущих сил, механизмов и ограничений социальных перемен. В силу того, что становление и развитие социальных систем всегда есть результат сложного взаимодействия разнокачественных процессов – экономических, политических, культурных и коммуникативных, ключевое значение придается их семиотической природе, объединяющей всех их в сложносоставную систему. Сделан вывод, что выбор будущего России и его успешное созидание в условиях становления многополярного миропорядка требуют целенаправленного формирования альтернативного коммуникативно-семиотического пространства, продуцирующего смыслы, значения и ценности солидарно, гуманно, справедливо и гармонично устроенного социума, призванного задать развитию страны и мирового сообщества иную, более устойчивую, безопасную и перспективную траекторию.

Ключевые слова: мир-система капитализма, семиотика, знак, значение, смысл, многополярное мироустройство, Россия

Цитирование: Барлыбаев У.А., Барлыбаев А.А., Ситнова И.А. (2025) Мир-система капитализма и будущее России: взгляд через призму семиотики // Общественные науки и современность. № 1. С. 122–136. DOI: 10.31857/S0869049925010096, EDN: BIBMOM

The World-System of Capitalism and the Future of Russia: A View Through the Prism of Semiotics

© U. BARLYBAEV, A. BARLYBAEV, I. SITNOVA

Ural A. Barlybaev, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia), ural_barlybaev@mail.ru. ORCID: 0000-0002-5916-1533

Adigam A. Barlybaev, Sibay Institute (branch) of the Ufa University of Science and Technology (Sibay, Russia), Adigam@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6753-6657

Inna A. Sitnova, Sibay Institute (branch) of the Ufa University of Science and Technology (Sibay, Russia), sinn01@mail.ru. ORCID: 0000-0002-2193-1563

Abstract. Some results are presented of the semiotic analysis of the formation and genesis of the capitalist world-system considered as a global social order. Since the emergence and development of social systems occurs as a result of the complex interaction of various conditions and factors – economic, political, cultural and communicative, the need to develop an interdisciplinary theoretical platform that attaches key importance to semiotic processes is substantiated. The latter are inextricably intertwined with the practical and communicative actions of people, generating meanings, values and motivations – the driving forces of life of people and society. The possibilities of the communicative-semiotic approach as an interdisciplinary methodology are demonstrated by using the example of the synthesis of such achievements in the study of the capitalist world economic system as the theory of money and capital by K. Marx, the concepts of historical capitalism by I. Wallerstein and the capitalist world-economy by F. Braudel. All these theories and concepts do not oppose, but develop and complement each other, linking the process of formation and development of the capitalist world order with the formation of a special privileged class of capitalists, purposefully creating and expanding, over a long historical period, a special communicative and semantic space in the world. In this context, the problem of choosing and creating the future of Russia is considered. It is concluded that a decent and prosperous future for the country is impossible without the restoration of full political, economic and technological sovereignty with simultaneous systemic transformations of the country's internal life and its external relations within the framework of a common semantic perspective that consolidates Russian society for the creation of a just, solidary, humanely structured, harmoniously and sustainably developing state and economy.

Keywords: world-system of capitalism, semiotics, sign, meaning, Russia, multipolar world

Citation: Barlybaev U.A., Barlybaev A.A., Sitnova I.A. (2025) The World-System of Capitalism and the Future of Russia: A View Through the Prism of Semiotics. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no. 1. pp. 122–136. DOI: 10.31857/S0869049925010096, EDN: BIBMOM (In Russ.)

Постановка проблемы

Разрушение однополярного мироустройства сопровождается резким обострением противоречий во всех сферах жизнедеятельности людей и государств, международных отношений. Мир погружается в хаос, а очередная бифуркация в историческом развитии и ветвление путей развития ставят и людей, и государства, и все человечество перед проблемой созидания, адекватно отвечающего вызовам эпохи своего будущего [Глазьев 2008; Дынкин 2024; Ельчанинов 2022; Пантин, Лапкин 2023].

Какие альтернативы у России, какое будущее следует ей выбрать и как его надо строить – вопросы насущные и требуют последовательного научно обоснованного решения, которое может быть выработано только на стыке достижений различных наук. Иными

словами, подход должен быть междисциплинарным. В данной работе речь идет о перспективах междисциплинарной методологии поиска ответов на поставленные вопросы с позиций достижений семиотики.

Рождение и развитие капиталистической мир-системы – структуры-аттрактора, на базе которой произошла историческая сборка современного однополярного мироустройства и на которую опирается механизм его функционирования – процесс сложный, многоплановый и циклический. Происходит коэволюция интегрированных друг в друга экономических, политических, социальных и культурных процессов. Чтобы лучше понять и описать коэволюцию как целостное явление, важно найти то всеобщее и фундаментальное, которое связывает всю совокупность разнокачественных составляющих и объединяет их в целостность, определяющую их общую сущностную природу, глубинные факторы и механизмы возникновения и развития мир-системы.

В качестве такого фундаментального и объединяющего начала предложена семиотическая природа жизнедеятельности человека и общества, обусловленная тем, что любая ее сфера основана на знаниях, добываемых и умножаемых благодаря коммуникациям и когнитивным действиям людей, органично вплетенным во все социальные процессы. В силу того, что результаты чувств и мыслительных процессов человека непосредственно не могут передаваться другим людям, в качестве передатчика выступают знаки – носители информации. Они доводят ее до получателя и обеспечивают обмен ею между людьми. Социальные процессы неотделимы от знаков, осуществляются посредством них и через работу с ними в ходе непрерывной деятельности по их изобретению, расшифровке и совершенствованию. Как писал Г. Щедровицкий: «... понимать можно только то, что выражено в знаках, и мир становится предметом такого специального понимающего осознания лишь в той мере, в какой он выражен в знаках, – через свою фиксированность в знаковых формах» [Щедровицкий 2001, 242].

Более полного и глубокого понимания того, как возникают, развиваются и распространяются структуры и институты в обществе, можно достичь, лишь исследуя их в контексте семиотических процессов, порождающих значения и смыслы, рассматривая все социальные факты и явления одновременно и как средства, и как результаты знаковой по природе коммуникативной и когнитивной деятельности людей.

Семиотическая парадигма и социальные науки

Корни семиотических идей уходят достаточно глубоко и берут свое начало еще в дискуссиях древнегреческих философов о природе имени и строении знаков. Однако о возникновении самой семиотики как науки можно говорить лишь с 1930-х гг., когда было опубликовано посмертное собрание сочинений американского математика и философа Ч. Пирса. В него вошли работы конца XIX и начала XX вв., где он изложил целостную теорию знаков и знаковых систем. Эту науку он назвал, вслед за Дж. Локком, семиотикой.

Размышляя над природой языка, пришел к семиотике, независимо от Пирса, и швейцарский лингвист Ф. де Соссюр. Предлагая называть эту науку семиологией, в своем «Курсе общей лингвистики» в Женевском университете в 1906–1911 гг., он писал: «Она должна открыть нам, что такое знаки и какими законами они управляются. ... Благодаря этому не только прольется свет на лингвистическую проблему, но – мы полагаем – через рассмотрение обрядов, обычаев и т.д. в качестве знаков, все эти явления выступают также в новом свете, так что явится потребность сгруппировать их в семиологии и разъяснить их законами этой науки» [Соссюр 2013, 40–41].

Структуру знака описывает семантический треугольник Огдена-Ричардса, представляющий собой базовую модель взаимосвязи трех элементов коммуникативного и познавательного процесса: 1) данного в ощущениях объекта реальной действительности, 2) возникающего в сознании человека мысленного образа данного объекта, 3) принятого в данной социальной и культурной среде наименования объекта. Вершины семантического треугольника могут иметь различные наименования в зависимости от научной дисциплины, в рамках которой он используется, от особенностей исследуемого явления, от устоявшихся в различных научных школах и направлениях исследований традиций (Рис.1).

Огромный вклад в создание новой науки внес американский философ Ч. Моррис, который заслуженно признан в научном мире также одним из родоначальников семиотики. Он различал три основных аспекта знака: 1) синтактику – отношения между знаками в знаковых последовательностях (в текстах); 2) семантику – отношение между знаками и тем, что они обозначают; 3) прагматику – отношение между знаками и участниками коммуникации, или отношение людей к тем знакам, которые они используют. Этим трем аспектам знака соответствуют три раздела семиотики, изучающие соответствующие компоненты семиозиса, под которым понимается «процесс, в котором нечто функционирует как знак», или процесс «опосредованного учитывания» чего-то с помощью некоторого посредника [Моррис 1983, 39]. Моррис различал такие компоненты семиозиса, как знаковое средство, десигнат, интерпретанта и интерпретатор [Моррис 1983, 40].

Он также ввел в научный оборот такие важные понятия, как «контекст» и «знаковый континуум». Первое означает ту ситуацию, когда знак или сообщение может менять свое значение и смысл при наличии другого знака или сообщения, дополняющего или сопровождающего его. Второе понятие отражает градуальный характер взаимоотношений знаков. Он заключается в последовательном плавном переходе друг в друга знаков в зависимости от их значения для раскрытия и понимания смысла [Моррис 1983, 119].



Рисунок 1. Семантический треугольник Огдена-Ричардса [Ogden, Richards 1923, 9–12]

Figure 1. Semantic triangle by Ogden-Richards [Ogden, Richards 1923, 9–12]

Методологическое значение для наук, особенно для социальных и гуманитарных, имеет обоснование Моррисом семиотики как эффективного междисциплинарного инструмента для унификации, приведения к единообразию, языка, на котором могут говорить о знаках представители разных наук [Моррис 1983, 38–40].

Во второй половине XX в., благодаря усилиям ряда ученых, в частности Р. Барта, У. Эко, Ю. Лотмана, М. Бахтина, А. Греймаса, фокус исследований сместился от изучения знаков и их отношения к своим интерпретантам на изучение отношений между самими интерпретантами, в результате которых создаются сообщения или «тексты», порождающие значения и смыслы. Как писал У. Эко: «... отношения между символом

и его значением могут меняться: они могут разрастаться, усложняться, искажаться; символ может оставаться неизменным, тогда как значение может обогащаться или скудеть. И вот этот-то безостановочный динамический процесс и должно называться “смыслом”» [Эко 2019, 91].

Лотман утверждал, что любой текст, т.е. знак или комбинация знаков, может нести какой-либо смысл лишь в рамках определенного контекста. Изменение последнего приводит к изменению значения и смысла, передаваемого с помощью этого текста. Взаимодействия текста с контекстом, непрерывающаяся цепь их взаимообусловленности и взаимопревращений формируют тот механизм, который постоянно воссоздает семиосферу, т.е. особое пространство, генерирующее новую информацию, новые значения и новые смыслы [Лотман 2000, 677]. Таким образом, знаки и их системы, тексты стали рассматривать в неразрывном единстве с активной созидательной ролью субъектов знаковой деятельности, или как самовоспроизводящиеся и саморазвивающиеся механизмы, генерирующие значения и смыслы.

Представление семиотических систем как устройств, непрерывно генерирующих значения и смыслы, потребовало дополнения статической модели знака Огдена-Ричардса динамической моделью семиозиса. Идею такой модели предложил У. Эко, развивая взгляд Ф. де Соссюра на лингвистический знак как на неразрывное единство означающего и означаемого. Ф. де Соссюр утверждал, что «лингвистический знак объединяет не вещь и имя, но понятие и акустический образ». Он писал: «Означающее – это не вещь, ... и означающее это не ряд звучаний, составляющих имя... Означающее – это образ этого звуко-ряда, в то время как означаемое – это образ вещи, рождающийся в уме и соотносящийся с другими такими же образами...» [Цит. по: Эко 2019, 92].

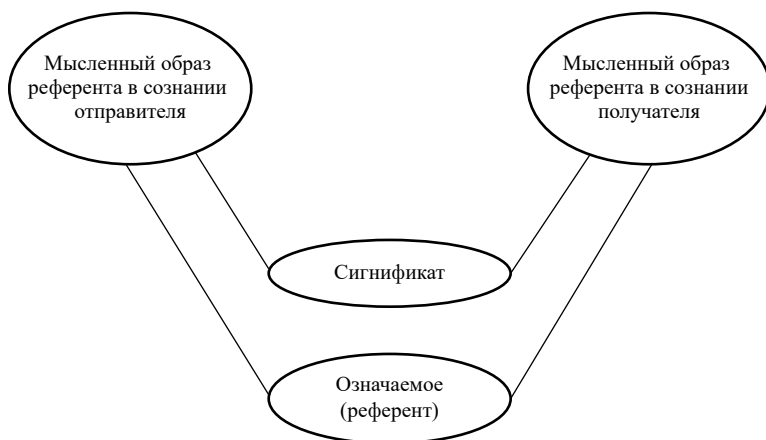


Рисунок 2. План содержания знака [Чертов 2017, 129].

Figure 2. The plan of the content of the sign [Chertov 207, 129].

При таком подходе к процессу означивания его содержательную сущность составляет уже не взаимодействие между означаемым и означающим, а взаимодействие между коммуникаторами через мысленные образы означаемого в их головах, т.е. через интерпретанты (Рис. 2). Означивание предстает как диалог, подразумевающий динамическую незавершенность, отсутствие окончательной определенности означаемого. Соответственно,

на первый план коммуникативных действий выдвигается проблема взаимопонимания, достижения консенсуса, выработки и освоения кодов. Тем самым обусловлена необходимость постоянного возвращения к ней с учетом меняющихся контекста и коннотаций, которые искажают, развивают и изменяют смысловое содержание означающего. Означающее, отметил Эко, «...все более и более предстает перед нами как смыслопорождающая форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством значений и созначений, благодаря корреспондирующим между собой кодам и лексикодам» [Эко 2019, 99].

Не признав наличия такого генерирующего значения и смыслов пространства, невозможно объяснить происхождение и изменение социальных фактов, практик и институтов, да и в целом возникновение, функционирование и развитие социальных систем, представляющих собой «феномены, наделенные неким смысловым содержанием» [Гидденс 2003, 388].

Известный антрополог К. Гирц, развивая точку зрения М. Вебера, утверждал, что «... человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов, я принимаю культуру за эту паутину, а ее анализ – за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений» [Гирц 2004, 10].

Изучая социальные явления и системы, их трансформацию и эволюцию с семиотических позиций, мы ставим во главу угла значения и смыслы, признавая за ними системообразующую роль в жизнедеятельности людей и общества. Осознание и интерпретация социальных фактов, социальные действия, функционирование и развитие социальных систем – все это в конечном итоге сводится к поиску, усвоению, созданию и распространению значений и смыслов.

Применительно к социальной жизни значение – это отображение социального факта в сознании, которое становится фактом коммуникации и познания вследствие установления связи данного факта с определенным знаком или комплексом знаков. В знаке или в комплексе знаков эта неразрывная связь устанавливается для выражения смысла. Значение и смысл социального факта не вытекают из содержания самого факта, а порождены коммуникативными действиями и когнитивными процессами. Они составляют движущий механизм любой целенаправленной социальной деятельности. Иными словами, социальный факт – это всегда порождение разума и действий людей, или результат вложения ими мыслей, чувств, желаний, сил и энергии во имя определения и достижения неких целей, имеющих для них значение и смысл.

Семиотическая трактовка становления и развития капиталистической мир-системы

Социальный факт приобретает значение и смысл лишь в контексте той функции и цели, которые он выполняет в данной деятельности, и вытекающих отсюда следствий. Это четко прослеживается в эволюции денег и превращении последних в капитал – процессе, который наиболее глубоко исследовал К. Маркс. Он раскрыл роль денег в становлении и развитии капиталистической экономики. Во второй половине прошлого века основатели мир-системного анализа Ф. Бродель и И. Валлерстайн переосмыслили огромный массив исторических фактов не только из хозяйственной жизни, но и отражающих политические, социальные, культурные и технологические условия и факторы. На этой основе они воссоздали более реалистичную картину генезиса капиталистической мир-системы. Синтез марксистского и мир-системного подходов к исследованию данной проблемы с позиций семиотики мог бы углубить понимание современных сложных геополитических, геоэкономических и геокультурных процессов, способствуя

научному поиску и конструированию будущего России, определению путей ее развития и ее места в меняющемся мире.

Исследуя социальную природу денег, К. Маркс выводит ее из тех функций, которые они выполняют в рыночной экономике, или, исходя из того, для чего они предназначены. Он писал, что товаровладельцы «могут приравнять свои товары друг к другу ... лишь относя их какому-нибудь другому товару, лишь противопоставляя их ему как всеобщему эквиваленту ... Поэтому общественное действие из всех прочих товаров выделяет один определенный товар, в котором все они выражают свои стоимости... Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией выделенного товара. Последний делается деньгами» [Маркс 1978, 96].

Раздвоению товаров и денег предшествовал длительный исторический процесс развития отношений обмена. Носителями функции всеобщего эквивалента на разных территориях и у разных народов в разные исторические периоды выступали самые разные товары. Выделение какого-либо товара в качестве денег означало достижение некоего соглашения между участниками рыночных отношений по результатам продолжительных коммуникативных взаимодействий, приведших к общественному признанию за данным товаром функции всеобщего эквивалента. Иными словами, какой-либо товар мог полноценно выполнять функцию денег лишь в пределах того сообщества, внутри которого сложилась определенная доверительность отношений и установилось некое единение между его членами относительно всеобщего эквивалента в рыночном обмене.

По мере расширения международной торговли и формирования общемирового пространства рыночных коммуникаций, функция меры стоимости постепенно закрепились первоначально за золотом и серебром, а в дальнейшем – только за золотом. Появились и новые функции денег, что означало приобретение денежными знаками производных от всеобщего эквивалента дополнительных значений и новых смыслов. Практически уже на самой заре появления товарной экономики деньги начали использовать как средство обмена, что упростило и кардинально ускорило процессы товарного обмена, так как любой товар в любое время можно было продать и купить за деньги, что К. Маркс выразил формулой: Товар – Деньги – Товар ($T - D - T$).

Логика развития денежного обращения, основанного на доверии, приводит вначале к монетной, а затем и бумажной форме денег или, как писал К. Маркс, реальное содержание монеты отделяется от номинального содержания, металлическое бытие денег замещается их функциональным бытием. На рынке используют вместо реальных металлических денег их знаки из другого материала или простые символы. Ибо металлические монеты в обращении снашиваются, «их монетная функция становится, поэтому, фактически совершенно не зависимой от их веса, т.е. от всякой стоимости ... благодаря этому вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, – бумажки получают возможность функционировать вместо золота в качестве денег. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью» [Маркс 1978, 137].

Доверие к деньгам как всеобщему эквиваленту и средству обращения порождает еще одну функцию – функцию накопления или образования сокровищ, наделяя их одновременно и новым смыслом. «Уже с первых зачатков товарного обращения возникает необходимость и страстное стремление удерживать у себя продукт первого метаморфоза – превращенную форму товара, или его золотую куколку. Товар продают не для того, чтобы купить другие товары, а для того, чтобы заместить товарную форму денежной. Из простого посредствующего звена при обмене веществ эта перемена формы становится само-

целью. ... деньги окаменевают в виде сокровища, и продавец товаров становится собирателем сокровищ» [Маркс 1978, 141].

О накоплении денег как самоцели и стремлении к наживе писал еще Аристотель, подвергая их осуждению и жесткой критике как явления аморальные и антиобщественные [Аристотель 1984, 393]. «Хрематистике» он противопоставлял «экономику», под которой подразумевал общественно полезное хозяйствование, производящее «совокупности средств...необходимых для жизни и полезных для государственной и семейной общины» [Аристотель 1984, 389–390].

«Хрематистика» времен Аристотеля была основана на двух исторически первоначальных схемах превращения денег в капитал – торговой и ссудной – наиболее простых и доступных в доиндустриальную эпоху. Первый случай – это, по К. Марксу, схема $D - T - D'$, где товар покупают, чтобы продать его дороже, или ради извлечения торговой прибыли. Фантастические нормы торговой прибыли, обогащающие наиболее успешных купцов, никак не могли возникнуть, как объясняют представители мейнстрима, в условиях свободного предпринимательства, равенства продавцов и покупателей, равновесия цен, спроса и предложения. Такая прибыль появлялась лишь в результате целенаправленных организованных действий сообщества дельцов с применением целой серии все более изощренных приемов, направленных на устранение конкуренции и установление на рынке господства посредников – коммерсантов, диктующих свою волю и покупателям, и продавцам. Масштабы присвоения торговыми посредниками прибавочной стоимости росли по мере распространения их рыночной власти от местного масштаба до регионального, межрегионального и международного.

Ф. Бродель, изучив огромный исторический материал средневековья, показал тесную взаимосвязь между утверждением капитализма в Европе и развитием мирового рынка. Капиталистическая мир-система возникла и росла вширь и вглубь по мере установления, укрепления и расширения владельцами крупных капиталов из Европы своего господства в тех сферах и направлениях мирового кругооборота товаров и денег, которые приносили наибольшую прибыль. Это достигалось путем целенаправленного создания этой группой лиц особых условий, позволяющих им «...обойти рынок, устранить конкуренцию с помощью юридически оформленной или фактической монополии, отдалить друг от друга предложение и спрос таким образом, чтобы условия зависели от одного только посредника, фактически единственного, кто был знаком с рыночной ситуацией на обоих концах долгой цепи». К особым условиям Бродель относил достаточные капиталы, кредит на данном рынке, надежную информацию, тесные связи и, наконец, компаньонов в стратегических пунктах торговых маршрутов, компаньонов, посвященных в тайны коммерческих и финансовых дел [Бродель 2006, 423–424].

Накопление денежного капитала у одних лиц и постоянная нужда в деньгах у других создает возможность первым предоставлять последним в долг свои денежные накопления за определенную плату. Уже в глиняных книгах древнего Шумера, датируемых 3200 годом до н.э., имеются записи о денежных операциях, представляющих собой прообразы современных банковских депозитов, обеспеченных и необеспеченных займов [Бернар 2007, 30–31].

Ссудный капитал, движение которого описал К. Маркс в виде схемы $D - D'$, имеет такое же древнее происхождение, как торговый капитал. Деньги были превращены меньшинством, как и в случае с крупной коммерцией, в инструмент эксплуатации большинства. Появившись первоначально в форме ростовщичества, ссудный рынок, бесконечно усложняясь и разветвляясь, захватывая со своими щупальцами все новые и новые территории и сферы экономики, подчиняя их своей власти, в конечном итоге создал наиболее гибкий, адаптивный и быстро прогрессирующий механизм накопления капитала.

Именно со ссудным рынком связано возникновение банковской системы, векселей, товариществ и акционерных обществ, страховых компаний, рынка ценных бумаг и многого другого, обусловившего возникновение мирового финансового капитала и международной кредитно-денежной системы – станового хребта глобальной системы «хрематистики» и в прошлом, и в настоящем.

Финансовые дельцы, улавливая разнообразные предпосылки и возможности, которые предоставляют международное разделение труда, торговля и кредитно-денежная система для различного рода манипуляций над рынками, над денежным оборотом для извлечения асимметричной выгоды, в течение многих веков создавали отвечающий собственным интересам мирохозяйственный уклад, или мир-экономику капитализма. Объединение силы финансового капитала и силы государства обусловило возникновение государств-гегемонов и их сателлитов, которые сконцентрировали подавляющую часть мирового капитала и мировой прибавочной стоимости, получив тем самым возможность диктовать свои политические, экономические и финансовые условия периферии. Первыми гегемонами в мировой истории стали города-государства Венеция и Генуя, а затем Голландия с центром в Амстердаме, Англия и, наконец, в 1930–40-е гг. – США с экономической столицей Нью-Йорком [Бродель 1992а, 1992б; Валлерстайн 2008].

Капиталистический мирохозяйственный уклад базируется на определенной сплоченности мировой олигархии и непрерывном воспроизводстве базовых значений и смыслов данного социального порядка. Они заключаются в сохранении и непрерывном преумножении этой верхушкой своих капиталов, господства и привилегий. «Главной привилегией капитализма ныне, как и в прошлом, – писал Ф. Бродель, – остается свобода выбора; свобода, которая зависит одновременно от его господствующего социального положения, от веса его капиталов, от его способности делать займы, от его информационной сети и, в не меньшей степени от тех связей, которые создают между членами могущественного меньшинства, как бы оно ни было разделено игрой конкуренции, ряд правил и форм соучастия ... А коль скоро капитализм может выбирать, он способен в любой момент сменить курс: в этом секрет его живучести ... изменяясь, он без конца сменял самого себя» [Бродель 1992б, 642–643].

С учетом вышеизложенного современную мир-систему капитализма можно определить не только как глобальный политико-экономический порядок, конструируемый и поддерживаемый господствующим центром, который состоит из государства-гегемона и его сателлитов и обеспечивает их геополитическое, геоэкономическое и геокультурное доминирование, позволяющее им пользоваться создаваемыми в мире благами, капиталом и прибавочной стоимостью в своих интересах. Мир-система капитализма одновременно представляет собой особое коммуникативное и семиотическое пространство, которое пронизывает все мировые процессы и воспроизводит представления и убеждения, составляющие ценностно-смысловой фундамент данного порядка.

Исторический выбор Россией своего будущего как семиотическая проблема

Существующий однополярный мирохозяйственный уклад вступил, по словам Валлерстайна, в переходную эпоху и стоит перед точкой бифуркации, периодом великих родовых мук и повсеместного хаоса. Он эволюционирует к новому структурному порядку, который «может быть будет, а может быть нет, лучше, чем современная система, но, несомненно, будет иным» [Валлерстайн 2020, 18].

Нынешний системный кризис, переживаемый капиталистическим миром, будто бы подтверждает пророчества Маркса и Валлерстайна о неизбежности конца этой господ-

ствующей на глобальном уровне политико-экономической системы. Однако, как показывает многовековая история последней, все предыдущие его кризисы заканчивались лишь структурными преобразованиями, очередной сменой державы-гегемона и переменами в ее близком окружении, а сама система, по сути, не менялась. Не окажется ли прав Бродель, утверждавший, что «капитализм не может рухнуть сам собой вследствие расстройств, которое было бы "эндогенным": для такого падения потребовались бы *исключительной силы внешний толчок и заслуживающее доверия решение проблемы его замещения* [выделено авторами]. ... Но ни одно из обществ современного мира не отказалось еще от традиции и от пользования привилегией. Чтобы добиться такого отказа, потребовалось бы ниспровергнуть все общественные иерархии, а не только иерархии денежные, не только иерархии государственные, не только социальные привилегии, но также и разнообразную тяжесть прошлого и культуры» [Бродель 1992б, 647, 649].

Главный вызов для России в условиях разразившегося кризиса существующего мироустройства – выбор своего будущего и стратегии движения к нему. Она стоит перед дилеммой: продолжать начатое еще в 1990-х гг. встраивание в капиталистическую мир-систему или противопоставить ему альтернативный, более справедливый, и потому более привлекательный для собственного народа, народов мира (особенно для элиты и населения периферийных стран) подход к устройству мира. Лишь последний вариант может стать заслуживающей доверия альтернативой и внешним толчком, который породит цепную реакцию саморазрушения или вынужденную эволюцию капиталистического мирохозяйственного уклада.

При выборе первого варианта развитие событий может развернуться по одному из двух альтернативных сценариев. Первый из них заключается в сохранении сложившегося за предыдущие 30 лет положения зависимого в политическом, экономическом, культурном отношении от центра (или центров) силы и фактически подчиненного ему (им) государства. Разумеется, такая перспектива может быть принята лишь антинародным государственным режимом, смысл существования и деятельности которого – обслуживание мировой и национальной финансово-промышленной олигархии и перераспределение создаваемого в стране прибавочного продукта в пользу привилегированного меньшинства. Она не приемлема для российского народа и чревата глубоким расколом в обществе, что может привести к распаду государства.

Другой сценарий – войти в близкий круг партнеров-сателлитов одной из держав-гегемонов обновленной капиталистической мир-системы или даже претендовать на роль одного из центров силы. Формирующаяся мировая многополярность как будто бы не только открывает «окно возможностей» для такого сценария, но и делает его вполне реальным. Однако вряд ли его можно считать разумной стратегией. Ибо, во-первых, данный выбор будет означать сохранение и углубление неравенства и несправедливости внутри страны, а, следовательно, социально-экономических и политических предпосылок неустойчивого и разбалансированного ее развития. Способность раздираемой внутренними противоречиями и конфликтами страны стать не только одним из центров мира, но даже сателлитом какого-либо гегемона вызывает большие сомнения.

Во-вторых, притягательная сила такого претендента на роль одного из центров мира будет практически равна нулю для элиты и народов периферийных стран из-за отсутствия у него конкурентных преимуществ, по сравнению с другими центрами, и надежных гарантий, что им будет лучше в союзе с ним. Мало кто захочет менять привычное и устоявшееся на новое и непредсказуемое. Тем более, подавляющее большинство стран вовлечено в различные международные политические, военные, экономические, финансовые и гуманитарные проекты и программы, функционирует огромное множество различных миро-

вых и межгосударственных организаций, институтов и соглашений, которыми эти страны крепко привязаны к существующему миропорядку. Для того чтобы они хотя бы частично пересмотрели свои приоритеты, своих партнеров и вектор наиболее интенсивного сотрудничества, необходимы более весомые и заслуживающие доверия у большинства народов мира аргументы в пользу таких перемен. Они могут появиться лишь при выборе Россией кардинально нового варианта будущего развития.

При сложившейся ситуации для нас нет другого пути к достойному и благополучному будущему, кроме восстановления полного политического, экономического и технологического суверенитета. Одновременно должна произойти системная перестройка внутренней жизни страны и ее внешних связей в новой смысловой перспективе. Подобная перспектива сможет консолидировать общество для созидания справедливо, солидарно, гуманно устроенных, гармонично и устойчиво развивающихся государства и экономики. По сути, предстоит повторить то же самое, что произошло со страной после революции 1917 г., но уже на новом витке исторической спирали и с учетом всей совокупности современных факторов и условий внутреннего и внешнего, объективного и субъективного характера, а также тех принципиальных ошибок, которые привели к распаду СССР.

Целенаправленное конструирование предпочтительного для государства будущего и переформатирование мирового порядка – процессы взаимосвязанные, сложносистемные, нелинейные, интерактивные и эволюционные. С семиотической точки зрения проблема цивилизационного выбора страны и его воплощения – это, прежде всего, создание необходимого комплекса предпосылок и условий, обеспечивающих массовую вовлеченность ее граждан, общественных организаций и политических объединений в коммуникативные процессы в широком понимании. Они направят их социальную активность в русло солидарных, созидательных, творческих, а не эгоцентричных, конфликтных, разрушительных действий. Важно постоянно поддерживать и углублять открытый, честный и непрерывный диалог между всеми структурными составляющими общества, социальными группами, внутренней и внешней средой. Вне такого диалога невозможно и воспроизводство базовых смыслов, значений и ценностей, составляющих вековые устои жизнедеятельности человека и общества, сохраняющих целостность, динамичность и гармоничность при любых перипетиях мировой истории. Невозможно и сотворение новых смыслов, значений и ценностей как развивающихся существующие, так и вызванных достижениями в практической и познавательной деятельности, существенно меняющими их содержание.

Определяющее контекстуальное влияние на коммуникативные процессы в целом оказывают характер и глубина диалога, степень взаимопонимания и уровень сотрудничества между государством и населением, включая и различные его социальные группы и сообщества – научные, образовательные, культурные, политические, этнические, религиозные, предпринимательские и т.д. Ведь они представляют собой относительно обособленные семиотические субпространства, генерирующие специфическую информацию и особую систему значений, смыслов и ценностей. Эти субпространства выполняют значимую роль в формировании единого ценностно-смыслового поля социальных взаимодействий в государстве. Ключевая роль в создании данного поля принадлежит государству, призванному согласовать и интегрировать в единое целое несовпадающие содержательно значения, смыслы, ценности, представления, интересы и стремления. Оно способно добиваться когерентности мыслей и действий подавляющего большинства граждан и социальных групп в обществе, с тем чтобы достичь наибольшего положительного синергетического эффекта во всех его сферах.

Крайне важно достичь идентичности смыслового содержания и однонаправленности между политическими декларациями и идеологическими доктринами, выдвинутыми госу-

дарством как главным модератором в семиотическом пространстве российского общества, с одной стороны, и его практическими действиями в социально-экономической, политической и культурной сферах – с другой. Ведь во многом именно смысловые расхождения и разнонаправленность между тем, что официально провозглашалось и что на самом деле происходило, привели к расколу и противостоянию в советском обществе, завершившемуся распадом государства.

Что касается жизненно важного диалога между нашей страной и внешним миром, то Россия обладает уникальными возможностями для того, чтобы показать мировому сообществу пример того, как могут строить на огромной территории справедливое и гармоничное во всех отношениях государство люди, относящиеся к различным этносам, конфессиям и культурам. Лишь несомненные внутренние достижения в этом плане позволяют России широко и успешно вовлечь значительную часть народов и государств мира в перестройку мирового порядка, неуклонно убеждая их словом и делом в перспективности и справедливости своего видения новой глобальной системы.

Еще одним и не менее важным направлением вовлечения других стран и народов в свою семиотическую орбиту можно назвать предложение и выполнение разнообразных экономических, логистических, образовательных, научных, культурных, экологических и иных международных и межгосударственных проектов на условиях равноправного и равновыгодного участия всех партнеров. Причем следует отдавать предпочтение такому формату этих проектов и разработке таких правил и механизмов участия в них, чтобы риски оппортунистического поведения стран-партнеров (одностороннее решение о выходе из проекта некоторых участников, шантаж России со стороны отдельных участников с целью получить какую-либо текущую выгоду) были сведены к минимуму и не могли наносить России существенный ущерб, а, наоборот, оборачивались для самих государств-оппортунистов значительно болезненными текущими и долгосрочными потерями.

Выводы и рекомендации

Практические действия по созиданию новой социальной реальности – с одной стороны, и осмысление, обоснование их целей, результатов, а также средств и способов достижения этих целей – с другой, составляют единый творческий процесс. Он носит диалоговый характер, порождает и реализует смысл – по содержанию. По механизму и способу реализации – происходит системно во всех сферах и на всех уровнях общества посредством сотрудничества, коммуникаций, познания и обучения.

Социальные преобразования обусловлены уровнем взаимопонимания, взаимной поддержки и обязательств, т.е. уровнем сплоченности в обществе. Иными словами, они базируются на общих смыслах, ценностях и представлениях, составляющих ту структуру-аттрактор, которая конструирует будущее. Чем более консолидировано общество, тем более оно способно ставить перед собой отвечающие одновременно и национальным, и общечеловеческим интересам цели и достигать их. Задачи, стоящие перед Россией, и усилия, необходимые для их решения, требуют огромной консолидации общества. Это возможно лишь, во-первых, при должном понимании той роли, которую выполняют коммуникативно-семиотические процессы в функционировании и развитии общества, государства и мирового сообщества. Во-вторых, при разумном и ответственном отношении к проблеме целенаправленного создания, поддержания и трансформации адекватного историческому вызову коммуникативного и смыслового пространства как внутри страны, так и на международном уровне. Здесь уместно утверждение, перефразирующее известное высказывание: кто доминирует в коммуникативно-семиотическом пространстве, тот и правит миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аристотель. (1984). Политика / Аристотель // Соч., Т. 4. М.: Мысль. С. 375–644.
- Aristotle (1984) *Politika* ['Politics'] in: Aristotle. Works in 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl' Publ., pp. 375–644. (In Russ.)
- Бернар А. (2007) Будущее денег: новый путь к богатству, полноценному труду и более мудрому миру. М.: КРПА Олимп: АСТ: Астрель. 493 с.
- Bernard A. (2007) *Budushcheye deneg: novyy put' k bogatstvu, polnotsennomu trudu i boleye mudromu miru* [The future of money: a new path to wealth, fulfilling work and a wiser world]. M.: KRPA Olimp: AST: Astrel. 493 p. (In Russ.)
- Бродель Ф. (1992а) Динамика капитализма. Смоленск: «Полиграмма». 124 с.
- Braudel, F. (1992a) *Dinamika kapitalizma* [The Dynamics of Capitalism]. Smolensk: «Polygram». 124 pp. (In Russ.)
- Бродель Ф. (1992б). Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв., том 3. М. Прогресс. 679 с.
- Braudel, F. (1992b). *Vremya Mira* [Time of Peace]. Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries, volume 3. M: Progress. 679 pp. (In Russ.)
- Бродель Ф. (2006) Игры Обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв., том 2. М.: «Весь Мир». 672 с.
- Braudel F. (2006) *Igry Obmena* [Games of Exchange]. Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries, volume 2. M. "The Whole World". 672 pp. (In Russ.)
- Валлерстайн И. (2020) Анализ мировых систем. М.: УРСС. 400 с.
- Wallerstein I. (2020) *Analiz mirovykh sistem* [World systems analysis]. M. URSS. 400 s. (In Russ.)
- Валлерстайн И. (2008) Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. М.: Т-во научных изданий КМК. 176 с.
- Wallerstein I. (2008) *Istoricheskiy kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical capitalism. Capitalist civilization]. M. T-vo scientific publications KMK. 176 p. (In Russ.)
- Гидденс Э. (2003). Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический проект. 528 с.
- Giddens E. (2003). *Ustroyeniye obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The structure of society: an essay on the theory of structuration]. M. Academic project. 528 pp. (In Russ.)
- Гирц К. (2004). Интерпретация культур. М.: РОССПЭН. 560 с.
- Geertz, K. (2004). *Interpretatsiya kul'tur* [Interpretation of cultures]. M. ROSSPEN. 560 pp. (In Russ.)
- Глазьев С.Ю. (2018). Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир. 768 с.
- Glazyev S.Yu. (2018). *Ryvok v budushcheye. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozaystvennom ukladakh* [Leap into the future. Russia in new technological and world economic structures]. M. Book world. 768 pp. (In Russ.)
- Ельчанинов М.С. (2022). Эпоха глобальной бифуркации: планетарные проблемы и исторические альтернативы // Социологические исследования. № 4. С. 124–135.
<https://doi.org/10.31857/S013216250018466-5>
- Elchaninov M.S. (2022). The era of global bifurcation: planetary problems and historical alternatives. *Sociological studies*. No. 4. Pp. 124–135. <https://doi.org/10.31857/S013216250018466-5> (In Russ.)
- Дынкин А.А. (2024). Трансформация мирового порядка // Полис. Политические исследования. № 5. С. 8–23.
- Dynkin A.A. (2024). *Transformatsiya mirovogo poryadka. Polis. Politicheskiye issledovaniya*. № 5. Pp. 8–23. (In Russ.)

- Князева Е. Н. (2008). Синергетически конструируемый мир // Синергетика. Будущее мира и России. М.: Издательство ЛКИ. С. 42–56.
- Knyazeva E. N. (2008) Synergetically constructed world. *Synergetics. The future of the world and Russia*. M. LKI Publishing House. Pp. 42–56. (In Russ.)
- Лотман Ю. М. (2000). Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. С.-Петербург: Изд-во «Искусство – СПб». 704 с.
- Lotman Yu. M. (2000). *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchikh mirov* [Semiosphere. Culture and explosion. Inside thinking worlds]. St. Petersburg: Publishing house «Art – St. Petersburg». 704 p. (In Russ.)
- Маркс К. (1978). Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат. 907 с.
- Marx, K. (1978). *Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii* [Capital. Criticism of political economy]. T. 1. Book 1. The process of production of capital. M. Politizdat. 907 p. (In Russ.)
- Моррис Ч.У. (1983а). Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика. М.: «Радуга». С. 118–132.
- Morris C.W. (1983a). From the book “Meaning and Signification.” Signs and actions. *Semiotics*. Pp. 118–132. (In Russ.)
- Моррис Ч.У. (1983б). Основания теории знаков // Семиотика. М.: «Радуга». С. 37–89.
- Morris C.W. (1983b). *Osnovaniya teorii znakov* [Foundations of the theory of signs] // Semiotics. M.: «Rainbow». Pp. 37–89. (In Russ.)
- Пантин В.И., Лапкин В.В. (2023). Дестабилизация старого и формирование нового миропорядка: основные тенденции и альтернативы // Общественные науки и современность. № 5. С. 7–18. <https://doi.org/10.31857/S0869049923050015>, EDN: NHXKNY.
- Pantin V.I., Lapkin V.V. (2023). Destabilization of the old and the formation of a new world order: main trends and alternatives. *Social sciences and modernity*. No. 5. Pp. 7–18. <https://doi.org/10.31857/S0869049923050015>, EDN: NHXKNY. (In Russ.)
- Пирс Ч.С. (2000). Логические основания теории знаков. СПб.: «Алетейя». 349 с.
- Pierce C.S. (2000). *Logicheskiye osnovaniya teorii znakov* [Logical foundations of the theory of signs]. St. Petersburg: “Aletheia”. 349 p. (In Russ.)
- Пирс Ч.С. (2001). Принципы философии. Т. 2. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество. 320 с.
- Pierce C.S. (2001). *Printsipy filosofii* [Principles of philosophy]. T. 2. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. 320 pp. (In Russ.)
- Соссюр Ф. де (2013). Курс общей лингвистики. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 256 с.
- Saussure F. de. (2013). *Kurs obshchey lingvistiki* [General linguistics course]. M.: Book house «LIBROKOM». 256 pp. (In Russ.)
- Чертов Л.Ф. (2017). Семиотика: Очерки истории и теории. М.: Ленанд, 2017. 240 с.
- Chertov L.F. (2017). *Semiotika: Ocherki istorii i teorii* [Semiotics: Essays on History and Theory]. M. Lenand, 2017. 240 p. (In Russ.)
- Щедровицкий Г.П. (2001). Я всегда был идеалистом. М.: Путь. 368 с.
- Shchedrovitsky G.P. (2001). *Ya vseгда byl idealistom* [I’ve always been an idealist]. M. The path. 368 p. (In Russ.)
- Эко У. (2019). Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М.: Изд-во АСТ: CORPUS. 704 с.
- Eco W. (2019). *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu* [Missing structure. Introduction to semiology]. M. Publishing house AST: CORPUS. 704 p. (In Russ.)
- Ogden C.K., Richards I.A. (1923). The Meaning of Meaning. New York: Harcourt, Brace & World, Inc. 364 p.

Информация об авторах

Барлыбаев Урал Адигамович, кандидат экономических наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий. Адрес: 450076, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. E-mail: Ural_barlybaev@mail.ru

Барлыбаев Адигам Агзямович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 453837, Россия, Республика Башкортостан, г. Сибай, ул. Белова, д. 21. E-mail: Adigam@mail.ru

Ситнова Инна Алексеевна, доктор экономических наук, профессор Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий. Адрес: 453837, Россия, Республика Башкортостан, г. Сибай, ул. Белова, д. 21. E-mail: sinn01@mail.ru

About the authors

Ural A. Barlybaev, Candidate of Sciences (Economic theory), Associate Professor, Ufa University of Science and Technology. Address: 450076, Zaki Validi st., bld. 32, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia. E-mail: Ural_barlybaev@mail.ru

Adigam A. Barlybaev, Doctor of Sciences (Economic theory), Professor, Chief Research Fellow, Sibay Institute (branch) of the Ufa University of Science and Technology. Address: 453837, Zaki Validi st., bld. 32, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia. E-mail: Adigam@mail.ru

Inna A. Sitnova, Doctor of Sciences (Economic theory), Professor, Sibay Institute (branch) of the Ufa University of Science and Technology. Address: 453837, Zaki Validi st., bld. 32, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia. E-mail: sinn01@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 16.05.2024

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.01.2025

Статья принята к публикации / Accepted: 05.03.2025